

*Й. Йор**

**ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ГОРОДОВ
ВО ВРЕМЕНА ПОТряСЕНИЙ И БЕДСТВИЙ:
ПОСЛЕДСТВИЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ
ДЛЯ АМСТЕРДАМА И РОТТЕРДАМА**

Автор статьи анализирует особенности влияния провозглашенной Наполеоном Континентальной блокады на два главных голландских порта – Амстердам и Роттердам. Констатируя, что в целом это влияние носило крайне негативный характер и повлекло за собой экономический кризис, самым плачевным образом сказавшийся на экономике обоих городов, автор отмечает, что Роттердам, тем не менее, пострадал значительно меньше, поскольку его жители и, прежде всего, его предпринимательское сообщество сумели лучше приспособиться к новым условиям, наиболее эффективным образом используя свои локальные преимущества.

Ключевые слова: эпоха Наполеона, Голландия, Континентальная система, экономика, Амстердам, Роттердам

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-189-202

Наполеоновская эпоха, в особенности период 1806–1813 гг., была в Голландии временем кризиса, отмеченным полномасштабной войной, политическими неурядицами и глубочайшим экономическим спадом. Кризис наполеоновского времени особенно сильно ударил по купцам и купеческим компаниям, в чем немалую роль сыграла Континентальная блокада, официально провозглашенная Берлинским декретом Наполеона в ноябре 1806 г.

Впрочем, некоторые купцы сумели пережить этот кризис. Представляется, что их жизнестойкость в большой степени зависела от местных условий, местных учреждений и местных связей. Благодаря некоторым учреждениям и некоторым связям в распоряжении купцов оказалась необходимая опора и необходимые инструменты, позволившие им компенсировать самые тяжелые и пагубные последствия катастрофы. В этой статье я проанализирую, как отразилась блокада на двух главных портовых горо-

** Йохан Йор, научный сотрудник амстердамского Института истории Нидерландов им. Гюйгенса и почётный член Международного института социальной истории в Амстердаме.*

дах Голландии, а именно Амстердаме и Роттердаме. Некоторые из моих прежних исследований уже показали, что Континентальная система оказала тяжелейшее воздействие на Амстердам. Недавно, в рамках комплексного исследовательского проекта «Кризис и местная жизнестойкость в Нидерландах в Наполеоновскую эпоху», совместно осуществляющегося Институтом истории Нидерландов им. Гюйгенса и Антверпенским университетом, я начал исследовать последствия блокады в Роттердаме¹. Представляется, что Роттердам перенес кризис, связанный с блокадой, намного легче, чем Амстердам.

Я начну эту статью с краткого обзора Наполеоновской эпохи в Голландии, затем рассмотрю последствия блокады сначала в Амстердаме, затем в Роттердаме, сравню ее последствия в этих двух городах и, наконец, попробую сделать некоторые выводы.

Наполеоновская эпоха в Голландии

Как я отмечал в своих прошлых публикациях², Наполеоновская эпоха, то есть период Голландского королевства под властью Луи Бонапарта, провозглашенного королем Голландии в июне 1806 г., и последующий период аннексии, с июля 1810 по ноябрь 1813 г., когда Голландия, став частью Французской империи, прекратила существование как независимое государство, сыграла важнейшую роль в истории Нидерландов. С политической точки зрения два наполеоновских режима ускорили процесс административной, налоговой и судебной централизации страны, что привело к возникновению современного национального государства, хотя в полной мере этот процесс еще и не был завершен. Уничтожение прежней федеральной структуры старинной республики Соединенных провинций, в высшей степени автономных с административной, налоговой и судебной точек зрения, а также ликвидация должности статхаудера (штатгальтера) и связанных с ним традиционных аристократических привилегий были необходимым условием начала экономической модернизации. Этот экономический переход

¹ «Кризисное управление: роль местных связей и учреждений в Нидерландах в наполеоновскую эпоху» («Managing the Crisis: the Role of Local Networks and Institutions within the Low Countries during the Napoleonic Period»), совместно с Марьолейн Харт (Институт истории Нидерландов им. Гюйгенса), Хильде Грефе и Дирком Лейбом (Антверпенский университет). Проект субсидируется Нидерландской организацией научных исследований (NWO) и Фламандским исследовательским фондом (FWO).

² Joor J. The Napoleonic Period in Holland from a Dutch Historical Perspective // Napoleon's Empire: European Politics in Global Perspective. Basingstoke, 2016. P. 53-66.

произойдет только после 1870 г. Но разрушение так называемых «наследственных структур» действительно стало необратимым в результате перемен, произошедших в Наполеоновскую эпоху³. Парадоксальным образом этот период, сыгравший столь важную роль с точки зрения долгосрочного экономического роста, сам по себе был временем тяжелейшего кризиса и экономической разрухи⁴. Во многом причиной тому была Континентальная блокада.

Амстердам и блокада

Особенно разрушительной блокада оказалась для Амстердама. Морская торговля, главная опора амстердамской экономики на протяжении более чем двух столетий, остановилась и полностью рухнула. В XVII в. Амстердам, державший под контролем балтийскую торговлю, стал крупнейшим в мире центром торговли и судоходства. Будучи крупнейшим рынком мира, Амстердам господствовал в экономике республики Соединенных провинций, и его интересы определяли государственную политику страны. На протяжении XVIII в. Нидерланды утратили ведущую роль на мировом рынке. После Утрехтского мира 1713 г. потеряли политическое значение, а после 1730-х гг. Франция и Англия обошли их в экономике⁵. Положение еще больше ухудшилось после Четвертой англо-голландской войны 1780-1784 гг., которая дала уникальную возможность развития для таких конкурентов Голландии, как Гамбург и Бремен. Впрочем, Амстердам во второй половине XVIII в. еще сохранял известную устойчивость. Он оставался средоточием экономической мощи Голландии, и успешно аккумулировал у себя экономическую деятельность других нидерландских городов и регионов – процесс, который Йохан де Врис, специалист по голландской экономической истории, назвал «внутренним сжатием»⁶. Кроме того, Амстердам оказался особенно успешен в создании новых финансовых услуг, таких как вексельный кредит, а также выпуск

³ *Luiten van Zanden J., van Riel A.* The Structures of Inheritance: The Dutch Economy in the Nineteenth Century. Princeton, 2004. P. 5-6, 52-84.

⁴ *O'Rourke K.H.* The Worldwide Economic Impact of the Revolutionary and Napoleonic Wars // NBR Working Paper Series, No. 11344 (2005). P. 17-18, 22-25, 36-37. См. также: *Buyst E., Mokyr J.* Dutch Manufacturing and Trade during the French Period (1795-1814) in a Long Term Perspective // Economic Effects of the French Revolutionary and Napoleonic Wars. Leuven, 1990. P. 64-78.

⁵ *De Vries J., van der Woude A.* The First Modern Economy: Success, failure, and perseverance of the Dutch economy, 1500-1815. Cambridge, 1997. P. 490.

⁶ *De Vries J.* De economische achteruitgang der Republiek in de achttiende eeuw. Leiden, 1968. P. 38.

облигаций иностранных государственных займов. Благодаря богатствам, скопленным амстердамскими купцами, Амстердам превратился к середине XVIII в. в ведущий финансовый рынок мира⁷.

После 1795 г. это относительное благосостояние пошло на спад. По Гаагскому договору, подписанному в мае 1795 г., новая Батавская республика стала первой республикой-сестрой революционной Франции, и, таким образом, оказалась напрямую вовлечена в войну с Англией. Большинство нидерландских колоний было потеряно, а прежде несокрушимая Ост-Индская компания, существовавшая с 1602 г., рухнула и в 1799 г. была ликвидирована. Но в первые пять лет XIX в. торговля в Амстердаме продолжалась.

Континентальная система в одночасье всё изменила. Судостроительство стремительно сокращалось: общее число кораблей, пришедших в Амстердам, снизилось с 2400 в 1805 г. почти до нуля в годы, когда Голландия стала частью Французской империи⁸. Вслед за торговлей и судостроением рухнула и местная промышленность. Более того, в 1807 г. Амстердам окончательно утратил свое положение важнейшего международного финансового рынка, причиной чему стало решение Лондона прекратить регистрацию векселей, которыми эти два города обменивались друг с другом⁹. Теперь ведущим финансовым рынком в мире стал Лондон, а Амстердам потерял свое первенство даже на континенте, уступив эту роль Гамбургу. Показательно, что с аннексией Голландии в 1810 г. знаменитый банк Норе & Со закрылся. Экономический кризис привел к глубокому обнищанию жителей города. Теперь многие выживали лишь благодаря пособиям для бедных: согласно некоторым источникам, в 1809 г. 30-40 % населения Амстердама жили на пособие¹⁰. Численность нищих стремительно росла, и амстердамцы начали оставлять своих новорожденных детей. В марте 1813 г., согласно полицейским докладам, в некоторых районах Амстердама находили по десять подкидышей за день¹¹.

⁷ De Vries J., van der Woude A. Op. cit. P. 134-146.

⁸ Van Nierop L. Amsterdamse scheepvaart in de Franse tijd // Amstelodamum. 1924. № 21. P. 136.

⁹ Jonker J., Sluyterman K. At Home on the World Markets: Dutch International Trading Companies from the 16th Century until the Present. The Hague, 2000. P. 131.

¹⁰ Van Leeuwen M. Bijstand in Amsterdam ca. 1800-1850: Armeenzorg als beheersings- en overlevingsstrategie. Zwolle, 1992. P. 67, 327; Joor J. De Adelaar en het Lam: onrust, opruiging en onwilligheid in Nederland ten tijde van het Koninkrijk Holland en de Inlijving bij het Franse Keizerrijk (1806-1813). Amsterdam, 2000. P. 67.

¹¹ Joor J. De Adelaar en het Lam. P. 67-69.

Упадок Амстердама был абсолютным. Численность населения города тоже сократилась. Помимо высокой смертности, в 1811 г. число покидающих город впервые за десятилетия и даже за века превысило число приезжающих. Если в 1790-е гг. в Амстердаме насчитывалось 220 тыс. жителей, то к 1815 г. их число упало до 180 тыс.¹². Массовый исход жителей из города сложно было не заметить: многие дома стояли пустыми и быстро разрушались.

Устойчивость некоторых амстердамских купцов лишь отчасти компенсировала всеобщую беду¹³. Они по-разному реагировали на тяжелые условия торговли. На личном уровне купцы начали тратить свои сбережения. Они прибегли к различным стратегиям выживания – как традиционным для их профессии, так и новым. В числе этих стратегий были перенаправление, диверсификация, замещение и уклонение в сочетании с коррупцией и контрабандой. Некоторые купцы и банкиры, подобно собственникам вышеупомянутого банка Норе & Со, ликвидировали свои компании: таким образом, ликвидация тоже была своего рода стратегией выживания¹⁴.

Роттердам в Наполеоновскую эпоху

Роттердам тоже сильно пострадал от блокады. Но, в отличие от Амстердама, он довольно легко перенес Наполеоновскую эпоху. Уже в XVI в. началось превращение Роттердама из маленькой деревушки с местным рынком в довольно заметный порт, известный, в первую очередь, как центр сельдяного промысла. В первой половине XVII в. лов сельди продолжал играть важную роль в экономике города, но на первый план вышли международная торговля и судоходство¹⁵. К концу XVII столетия численность населения Роттердама почти достигла 50 тыс. жителей, и он вышел по этому показателю на второе место в Нидерландах после Ам-

¹² *Lesger C. Stagnatie en stabiliteit: de economie tussen 1730 en 1795 // Gechiedenis van Amsterdam. 4 vols. Amsterdam, 2004-2007. Vol. 2.2. Zelfbewuste stadstaat 1650-1813. Amsterdam, 2005. P. 219; Lesger C. Vertraagde groei: de economie tussen 1650 en 1730 // Ibid. P. 21; Diederiks H. Een stad in verval: Amsterdam omstreeks 1800. Amsterdam, 1982. P. 19; Joor J. De Adelaar en het Lam. P. 61-62 (особенно сноски 8 и 11).*

¹³ См.: *Joor J. Significance and Consequences of the Continental System for Napoleonic Holland, Especially for Amsterdam // Revisiting Napoleon's Continental System: Local, Regional and European Experiences. Basingstoke, 2015. P. 268-274.*

¹⁴ *Buyst M.G. At Spes Non Fracta: Hope & Co. 1770-1815. Merchant Bankers and Diplomats at Work. The Hague, 1974. P. 66-68.*

¹⁵ *Van der Schoor A. Stad in aanwas: Geschiedenis van Rotterdam tot 1813. Zwolle, 1999. P. 196, 200.*

стердама. Цифра, конечно, впечатляющая, хотя она, безусловно, в разы уступала численности населения Амстердама, из-за чего Роттердам называли «первым из второстепенных городов»¹⁶. В экономическом плане Роттердам также сильно зависел от Амстердама. Но в рамках голландской экономической системы, в которой доминировал Амстердам, Роттердаму удалось занять свою нишу: он сосредоточился на торговле с Англией, Францией, Германией, Америкой (виргинский табак) и колониями Вест-Индии¹⁷. Специализация города была непосредственно связана с его великолепным географическим положением, впечатлявшим иностранных гостей уже в 1720-е гг.¹⁸. Город обладал природной гаванью, из которой можно было напрямую плыть как на запад – в Англию через Северное море, так и на восток – в Германию, Францию и Швейцарию, поднимаясь по Рейну и Маасу.

Континентальная блокада, о чем выше уже было сказано, дорого обошлась Роттердаму. Как и в Амстердаме, регулярная морская торговля практически прекратилась. В 1803 г., когда действовал Амьенский мирный договор, в дельту Мааса пришло более 1780 кораблей. Но после 1806 г. это число начало быстро сокращаться, и в 1809 г. таких кораблей было лишь 13¹⁹. Роттердамская промышленность, подобно амстердамской, очень зависела от морской торговли и тоже сильно пострадала в результате блокады. Ведущую роль в Роттердаме играли табачная и сахарная промышленность, вслед за ними, с некоторым отставанием, шли пивоварение и судостроение. Доклады об экономическом положении Роттердама в наполеоновские годы всегда сопровождались списком жалоб представителей местной торговой и промышленной элиты²⁰. Жаловаться, действительно, было на что. И всё же по сравнению с Амстердамом дела шли не так плохо. Несколько крупных сахарных заводов сумели избежать закрытия²¹. Кроме того, показательно, что

¹⁶ Ibid. P. 271.

¹⁷ Ibid. P. 295, 323.

¹⁸ *Van der Schoor A.* Op. cit. P. 315.

¹⁹ Kamer van Koophandel en Fabrieken Rotterdam 1803-1928: Gedenkboek samengesteld door het secretariaat van de Kamer. Rotterdam, 1928. P. 49-50. Кроме того, использовались данные, почерпнутые из текста: *Zetijdingen in Stadsarchief Rotterdam* (Муниципальный архив Роттердама) (SAR), собранные Мартейном Вермёленом в 2017 году (неопубликованные).

²⁰ См. множество примеров в памятной книге Роттердамской торговой палаты по случаю празднования её 125-й годовщины в 1928 году (см. предыдущую сноску).

²¹ *T Hart M.C., Greefs H.* Sweet and Sour: Economic Turmoil and Resilience of the Sugar Sector in Antwerp and Rotterdam, 1795-1815 // *BMGN-Low Countries Historical Review*. 2018. № 133. P. 3-26.

в Роттердаме, в отличие от Амстердама, не произошло депопуляции. Население города даже слегка выросло за 1790-1810 гг. – с 58 до 60 тыс.²² Подробных данных о бедности в Роттердаме пока нет. Но, исходя из имеющейся в нашем распоряжении информации, не исключено, что общая численность роттердамцев, живших на пособие, колебалась в наполеоновские годы около 20%, что составляет всего половину от амстердамской цифры.

Причины жизнестойкости Роттердама

Относительную успешность Роттердама можно объяснить несколькими причинами, как структурными, так и случайными. Во-первых, роль Амстердама в экономике Нидерландов ослабела в результате потери главного рынка и утраты первенства в международном финансовом мире. Одним из последствий было то, что теперь Роттердам получил возможность роста. Во-вторых, в конце XVIII – начале XIX вв. Англия постепенно превращалась в глобальную политическую и экономическую державу. Взлет Англии был очень выгоден Роттердаму. Как мы уже отметили, для связей с Англией этот город был удачнее расположен, чем Амстердам. Он был теснее связан и с внутренней Германией, хотя плавание по Рейну представляло немало трудностей до самых 1860-х гг., когда, наконец, были приняты регулирующие и упрощающие его международные соглашения. Традиционно тесные отношения Роттердама с Англией и с Рейнской областью стали козырной картой в дни блокады.

Другим фактором, сыгравшим на руку Роттердаму, стало наличие сравнительно многочисленной английской общины, жившей здесь с XVII в. Она по большей части состояла из купцов, многие из которых были связаны с английскими, в первую очередь лондонскими, торговцами. Еще до начала XVIII в. Роттердам со своей английской общиной был известен как «маленький Лондон»²³.

Важное место рыбаков и рыболовства в жизни Роттердама также играло свою роль. Если падение Амстердама и взлет Англии и Германии были вызваны долгосрочными структурными процессами, то рыбаки Роттердама и его окрестностей, по-видимому, сыграли существенную роль в удержании города на плаву в 1806-

²² *Van der Schoor A.* Op. cit. P. 327.

²³ *Klein P.W.* Little London: British merchants in Rotterdam during the sixteenth and seventeenth centuries // *Enterprise and History: Essays in Honour of Charles Wilson.* Cambridge, 1984. P. 116.

1813 г. К сожалению, в статье недостаточно места для подробной справки о голландском рыболовстве. Тем не менее, следует сделать две важных ремарки относительно рыболовства в наполеоновское время. Во-первых, хотя блокада нанесла ему немалый ущерб, значительное число рыбаков продолжало свою деятельность, в особенности после изданного в апреле 1812 г. указа о голландском рыболовстве, передавшего рыболовную инспекцию, ранее находившуюся в руках французской полиции, в ведомство флота. Многие военно-морские офицеры были голландцами и, по всей видимости, не проявляли особого рвения в борьбе с голландскими рыбаками, нарушавшими блокаду. Во-вторых, в наполеоновские годы рыболовство в Северном море осуществляли деревни, находившиеся в окрестностях Роттердама. В годы Республики главными портами сельдяного и трескового промысла стали Масслёйс и Влардинген. Но ещё более важную роль для Роттердама играло западное побережье от Мааса до района к северу от Гааги, где были расположены такие важные рыболовецкие деревни, как Нордвейк, Катвейк и Схевенинген. Этот край по-голландски назывался *de Zijde*, что попросту значило «Сторона»; здесь было сосредоточено то, что называлось «ловом свежей рыбы». Рыбаки выходили в море на маленьких плоскодонках, которые не нуждались в портовых сооружениях и могли укрыться в обмелевшей бухте или причалить прямо к берегу. Они специализировались на ловле пикши, камбалы и палтуса, которые продавались затем на рынке в свежем виде. Рыбаки ловили и сельдь, но органы надзора за сельдяным промыслом строго запрещали им потрошить ее и продавать в соленом виде. Вместо этого ее коптили и продавали сельдь «красную» или копчёную²⁴. Многие рыбаки Стороны специализировались на красной сельди, которую они ловили в более дальних морских походах – к ярмутским отмелям у английского берега. В наполеоновские годы эти рыбаки играли важнейшую роль в нелегальной торговле.

Как сообщают различные источники, в первую очередь недавно обнаруженные документы полиции, рыбаки играли важную роль в перевозке товаров и сырья, например, сырья для сахарных

²⁴ О голландском селедочном рыболовстве см., например: *Van Bochove C. The «Golden Mountain»: An Economic Analysis of Holland's Early Modern Herring Fisheries // Beyond the Catch: Fisheries of the North Atlantic, the North Sea and the Baltic, 900-1850. Leiden, 2009. P. 209-244.* О лове свежей рыбы см.: *Van der Voort J.P. Vissers van de Noordzee: het Nederlandse vissersbedrijf in geschiedenis en volksleven. 's-Gravenhage, 1975. P. 22, 35.*

заводов. Кроме того, что еще более важно, они были главными поставщиками информации и главными посредниками в отношениях роттердамских купцов с клиентами и партнерами, находившимися вне европейского континента²⁵. В наполеоновские годы Роттердам стал не только центром контрабанды, но и главным транспортным узлом нелегальной переправки пассажиров и корреспонденции. Рыболовецкие деревни близ Роттердама, должно быть, играли особую роль в годы аннексии, когда блокада окончательно удушила Амстердам. В это время бедствий и неурядиц рыбаки из Влардингена и Масслёйса, ловившие сельдь и треску, и, в первую очередь, ловцы свежей рыбы со Стороны сумели поддерживать связь Роттердама с мировым рынком, дав роттердамским купцам стратегические преимущества и увеличив их способность к выживанию.

Наконец, сами роттердамские купцы также способствовали жизнестойкости своего порта. Чтобы сохранить свое дело, они прибегали к тем же стратегиям, что и их амстердамские коллеги – перенаправление, специализация, диверсификация, замещение и так далее. Однако, в отличие от амстердамцев, они были в меньшей степени склонны ликвидировать свои компании, поэтому можно предположить (впрочем, в данном случае требуются дополнительные исследования), что они были смелее и успешнее. Антони ван Хобокен, один из ведущих роттердамских купцов, сумел в наполеоновскую эпоху значительно увеличить свой капитал, задешево скупая конфискованные корабли²⁶. Более того, прослеживается и еще одно яркое отличие роттердамцев: они в большей степени, чем амстердамские купцы, были склонны действовать коллективно и сотрудничать с местными и центральными властями. Если амстердамские торговцы бойкотировали создание Торговой палаты в 1811 г., то роттердамцы сами учредили свою Торговую палату еще в 1803 г. Ведущие роттердамские купцы были глубоко вовлечены в деятельность Торговой палаты в наполеоновское время, предоставляя ей многочисленные рекомендации и подавая аналитические записки. Торговая палата тесно сотрудни-

²⁵ Генеральный комиссар Роттердама, Антуан Делаку де Мариво, второй по рангу французский полицейский в Голландии, надзирал за всей областью, входящей в состав нынешней Южной Голландии, в том числе за устьем Мааса и берегом Северного моря. Многочисленные копии писем, которые он писал своему начальству и своим подчинённым в 1811-1813 гг., уцелели и хранятся в Городском архиве Роттердама. См.: SAR, 386. 1-5.

²⁶ *T Hart M.C., Greefs H. Op. cit. P. 21.*

чала с Роттердамским магистратом, в котором преобладали члены все той же торговой элиты. Но, в отличие от Амстердама, местная административная элита Роттердама в наполеоновскую эпоху и последовавшие за ней годы почти полностью состояла из новых семей, приобретших экономический вес после 1795 г.²⁷ Хотя по своим торгово-политическим взглядам они были сторонниками традиционного рынка, представляется, что недавнее восхождение по экономической, социальной и политической лестнице сделало роттердамских купцов более открытыми к сотрудничеству как с соотечественниками, так и с внешними игроками, что и позволило им более успешно «навести социальные и политические мосты», чем это сделали их амстердамские коллеги.

Заключение и эпилог

Подведем итог. Континентальная блокада нанесла особенно тяжкий вред Амстердаму. В наполеоновскую эпоху он навсегда перестал быть ведущим торговым и финансовым центром мира, и отныне стал центром лишь национального и регионального значения. Роттердам пережил этот период гораздо успешнее, чем Амстердам. Структурные и долгосрочные изменения, позволившие Роттердаму действовать эффективнее, вместе с тем покончили с господством Амстердама, а на смену торговле, ориентированной с севера на юг, пришла торговля, ориентированная с запада на восток, в которой важнейшую роль играли английские мануфактуры. В краткосрочной перспективе важную роль сыграло центральное положение Роттердама в нелегальной сети контрабанды, информации и перевозок пассажиров, созданной голландскими рыбаками Северного моря. Не менее важную роль сыграла индивидуальная и коллективная жизнестойкость роттердамских купцов. Их способность к кооперации может объясняться их недавним восхождением по экономической, социальной и политической лестнице после Батавской революции и в годы наполеоновского господства. С историко-психологической точки зрения нельзя не вспомнить официальный визит Наполеона в Голландию в октябре 1811 г., когда официальный представитель Амстердамской торговой палаты, вместо того, чтобы быть льстивым и смиренным, как

²⁷ Schmitz H. Wisseling van de wacht: de samenstelling van het Rotterdams stadsbestuur aan het einde van de 18de en het begin van de 19de eeuw // De Nederlandsche Leeuw: maandblad van het Koninklijk Genootschap voor Geslacht- en Wapenkunde. 1990. № 107. P. 361-401; см. также: Van der Schoor A. Op. cit. P. 384.

его роттердамский коллега, украсил свою приветственную речь восхвалением английского военного флота и его вклада в поддержание мира: едва ли такое выступление пошло на пользу амстердамским купцам²⁸.

Кроме того, в качестве эпилога заметим, что коллективная деятельность роттердамских купцов стала явным признаком эмансипации Роттердама. Между Амстердамом и Роттердамом до сих пор существует сильное соперничество, отражающееся на символическом уровне в особенностях их футбольных команд – утонченном, мягком и интеллигентном «Аяксе» и практичном, грубом «Фейеноорде», предпочитающем «не слова, но действия». Соперничество двух городов стало предметом ряда исследований, в том числе историка экономики Йохана де Вриса, о ком уже шла речь в этой статье²⁹. По мнению де Вриса, соперничество двух портовых городов уходит корнями в историю: оно началось в конце XVII в., постепенно усиливалось в XVIII в. и достигло апогея во второй половине XIX в. Де Врис считает, что в наполеоновское время между двумя городами существовало своего рода перемирие. Однако более внимательный взгляд на факторы, обеспечивавшие жизнестойкость городов перед лицом кризиса, вызванного Континентальной системой, показывает, что, напротив, именно в эти годы произошли фундаментальные перемены, проложившие путь к эмансипации Роттердама. В 1830-е гг. Роттердам обойдет Амстердам по объему торговли и судоходства. В конце XIX в. Роттердам станет главным портом Европы, а во второй половине XX в. он на короткое время даже станет главным портом мира, подобно Амстердаму тремястами годами ранее³⁰.

Перевел с английского языка А.Ю. Терещенко

Список литературы

Joor J. The Napoleonic Period in Holland from a Dutch Historical Perspective // *Napoleon's Empire: European Politics in Global Perspective* / Ed. By U. Planert. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. P. 53-66.

²⁸ *Lichtenauer W.F.* Het bezoek van Napoleon aan Rotterdam: 25-27 oktober 1811. Rotterdam, 1963. P. 73-74.

²⁹ *De Vries J.* Amsterdam-Rotterdam: rivaliteit in economisch-historisch perspectief. Bussum, 1965.

³⁰ *De Vries J.* Amsterdam-Rotterdam. Op. cit. P. 75-76; *van de Laar P.* Stad van formaat: Geschiedenis van Rotterdam in de negentiende en twintigste eeuw. Zwolle, 2000. P. 8-11.

- Luiten van Zanden J., van Riel A.* The Structures of Inheritance: The Dutch Economy in the Nineteenth Century. Princeton: Princeton University Press, 2004.
- O'Rourke K.H.* The Worldwide Economic Impact of the Revolutionary and Napoleonic Wars // NBR Working Paper Series, No. 11344 (2005).
- Buyst E., Mokyr J.* Dutch Manufacturing and Trade during the French Period (1795-1814) in a Long Term Perspective // Economic Effects of the French Revolutionary and Napoleonic Wars / Ed. by E. Aerts, F. Crouzet. Leuven: Leuven Univ Pr, 1990. P. 64-78.
- De Vries J., van der Woude A.* The First Modern Economy: Success, failure, and perseverance of the Dutch economy, 1500-1815. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- De Vries J.* De economische achteruitgang der Republiek in de achttiende eeuw. Leiden: Stenfert Kroese, 1968.
- Van Nierop L.* Amsterdamse scheepvaart in de Franse tijd // Amstelodamum. 1924. № 21.
- Jonker J., Shuyterman K.* At Home on the World Markets: Dutch International Trading Companies from the 16th Century until the Present. The Hague: McGill-Queen's University Press, 2000.
- Van Leeuwen M.* Bijstand in Amsterdam ca. 1800-1850: Armenzorg als beheersings- en overlevingsstrategie. Zwolle: Waanders, 1992.
- Joor J.* De Adelaar en het Lam: onrust, opruiing en onwilligheid in Nederland ten tijde van het Koninkrijk Holland en de Inlijving bij het Franse Keizerrijk (1806-1813). Amsterdam: Bataafsche Leeuw, 2000.
- Lesger C.* Stagnatie en stabiliteit: de economie tussen 1730 en 1795 // Gechiedenis van Amsterdam. 4 vols. Amsterdam: SUN, 2004-2007. Vol. 2.2. Zelfbewuste stadstaat 1650-1813 / Ed. by W. Frijhoff, M. Prak. Amsterdam: SUN, 2005.
- Lesger C.* Vertraagde groei: de economie tussen 1650 en 1730 // Gechiedenis van Amsterdam. 4 vols. Amsterdam: SUN, 2004-2007. Vol. 2.2. Zelfbewuste stadstaat 1650-1813 / Ed. by W. Frijhoff, M. Prak. Amsterdam: SUN, 2005.
- Diederiks H.* Een stad in verval: Amsterdam omstreeks 1800. Amsterdam: Historisch Seminarium van de Universiteit van Amsterdam, 1982.
- Joor J.* Significance and Consequences of the Continental System for Napoleonic Holland, Especially for Amsterdam // Revisting

- Napoleon's Continental System: Local, Regional and European Experiences / Ed. by R.B. Aaslestad, J. Joor. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. P. 268-274.
- Buyst M.G.* At Spes Non Fracta: Hope & Co. 1770-1815. Merchant Bankers and Diplomats at Work. The Hague: Kluwer Academic Publishers, 1974.
- Van der Schoor A.* Stad in aanwas: Geschiedenis van Rotterdam tot 1813. Zwolle: Waanders, 1999.
- 'T Hart M.C., Greefs H.* Sweet and Sour: Economic Turmoil and Resilience of the Sugar Sector in Antwerp and Rotterdam, 1795-1815 // BMGN-Low Countries Historical Review. 2018. № 133. P. 3-26.
- Klein P.W.* Little London: British merchants in Rotterdam during the sixteenth and seventeenth centuries // Enterprise and History: Essays in Honour of Charles Wilson. / Ed. by D.C. Coleman, P. Mathias. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Van Bochove C.* The «Golden Mountain»: An Economic Analysis of Holland's Early Modern Herring Fisheries // Beyond the Catch: Fisheries of the North Atlantic, the North Sea and the Baltic, 900-1850 // Ed. by L. Sicking, D. Abreu-Feneira. Leiden: Brill, 2009. P. 209-244.
- Van der Voort J.P.* Vissers van de Noordzee: het Nederlandse vissersbedrijf in geschiedenis en volksleven. 's-Gravenhage: Boekencentrum, 1975.
- Schmitz H.* Wisseling van de wacht: de samenstelling van het Rotterdams stadsbestuur aan het einde van de 18de en het begin van de 19de eeuw // De Nederlandsche Leeuw: maandblad van het Koninklijk Genootschap voor Geslacht- en Wapenkunde. 1990. № 107. P. 361-401.
- Lichtenauer W.F.* Het bezoek van Napoleon aan Rotterdam: 25-27 oktober 1811. Rotterdam: Nijgh & Van Ditmar, 1963.
- De Vries J.* Amsterdam-Rotterdam: rivaliteit in economisch-historisch perspectief. Bussum: C.A.J. van Dishoeck, 1965.
- Van de Laar P.* Stad van formaat: Geschiedenis van Rotterdam in de negentiende en twintigste eeuw. Zwolle: Waanders, 2000.

**URBAN RESILIENCE DURING A TIME OF TURMOIL
AND CRISIS
CONSEQUENCES OF THE CONTINENTAL BLOCKADE
FOR AMSTERDAM AND ROTTERDAM**

The author analyzes the consequences of the Continental blockade proclaimed by Napoleon on the two main Dutch ports – Amsterdam and Rotterdam. Noting that, in general, this influence was extremely negative and resulted in an economic crisis that had the most deplorable impact on the economy of both cities, the author notes that Rotterdam, however, suffered much less, because its residents and, above all, its business community were able to better adapt themselves to the new conditions, using their local advantages in the most effective way.

Keywords: Napoleon era, Holland, Continental system, economy, Amsterdam, Rotterdam

*Johan Joor,
researcher at the Huygens Institute
for the History of the Netherlands, Amsterdam,
honorary fellow, International Institute
of Social History, Amsterdam*